

Глава 1

ГОЛОВА С ГЛУХИМ СТУКОМ УПАЛА НА ДЕРЕВЯННЫЙ ПОМОСТ и покатилась, словно яблоко, сорвавшееся с ветки. Каждый новый оборот заставлял ее подпрыгивать при соприкосновении носа с нестругаными досками. Крови почти не было. Темная дыра горла блестела от алой влаги, скудно сочащейся сквозь идеально ровные края мастерски выполненного разреза.

«Симпатичный мальчик», — машинально отметил Дарьян, бросив беглый взгляд на совсем еще детское лицо, равнодушно смотрящее на своего палача.

В стеклянных глазах замерло любопытство, игриво прячущееся под длинными белесыми ресницами.

Власенка привычным движением ухватила голову за шелковые кудряшки и бросила в корзину.

Дарьян поднял глаза к небу, вглядываясь в сумрачные завихрения вечерних облаков. Он чувствовал, что боги готовы его слушать, но не мог сформулировать адресованное им послание.

Колдун с досадой опустил лицо, невольно уткнувшись в истлевшую ткань одежды. В нос ударил резкий запах разлагающегося тела, вытолкнувший из желудка тугой комок, остановившийся в горле.

ЛЕВ СОЛОВЬЁВ

Дарьян удивился, что ему противен собственный запах. Раньше он такого не замечал.

Усталость, мешавшая ему жить последние годы, ощущалась необычайно ясно, став на мгновение единственным воспринимаемым чувством. Колдуну наконец-то удалось сформулировать просьбу, адресованную богам, отображающую его единственное желание: «Заберите меня отсюда!»

Дарьян устал жить. Он давно сбился со счета чередой однообразных лет, забыл свое детство и юность. Он помнил себя только старым, вонючим и страдающим от невозможности умереть.

«Преемник! — раздался в голове хор голосов, переплетающийся различными интонациями и тембром, от женского писка до трубного баса. — Тебе нужен преемник. Грядут темные времена. Мы все в опасности. Найди достойного и покойся с миром».

Дарьян вновь опустил голову. Задача казалась невыполнимой. Много лет он искал для себя достойную замену, но все старания были напрасными.

— Будьте вы прокляты! — Колдун швырнул первым вечером звездам крик отчаяния, понимая, что ему ничего не грозит, как бы он ни оскорблял богов.

Дарьян стоял, широко расставив ноги, упираясь босыми ступнями в теплую землю холма, насквозь пропитанного кровью жертв. Нестриженные ногти, напоминавшие когти животного, прочертили среди редких травинки глубокие борозды. Руки, вознесенные в направлении звезд, торчали из лоскутов истлевшей ткани кривыми ветками, покрытые буграми и нарывами, в которых кое-где копошились белые черви. Дарьян сжал костлявые пальцы в кулаки, похожие на переплетение корней благодаря многочисленным трещинам и морщинам.

Колдун почувствовал, как в него, словно в пересохшую землю, впитывается энергия земли, воды, воздуха и огня, переполняя его, готовая разорвать на куски. Вместе с кри-

ком, от которого замерли все обитатели капища, в мир вырвался призыв, разносящийся незатихающим вихрем во все стороны.

— Услышь меня преемник, — прошептал, слабея, Дарьян.

* * *

Серая тень неясности парила бесформенным пятном, нарушая гармонию звездного узора. Привычный для птицы лес остался далеко позади. Огромные влажные глаза затуманились пеленой страха, но сова продолжала лететь над спящим городом. Один-два взмаха могучих крыльев, глухо шелестящих в тишине, — и вновь беззвучное скольжение...

Людское поселение сверху выглядело гигантским насекомым, раскинувшим во все стороны щупальца улиц. Приклеившиеся друг к другу усадьбы ремесленников и торговцев, обнесенные деревянным частоколом, сменялись огромными теремами знатных жителей, похожими на маленькие крепости.

Город спал, погруженный во тьму. Только в одном месте, возле корчмы, слышен был шум и веселье.

Из распахнувшейся двери с вырвавшимся на улицу хором разномастных голосов вывалился невысокий крепкий мужчина в добротной одежде, выдававшей состоятельного горожанина. Он был пьян.

— Святослав, ты куда? — раздался зычный голос из открытых дверей, заглушающий гвалт питейного заведения.

Человек, названный Святославом, отрешенно махнул рукой и побрел нетвердой походкой прочь.

Дверь корчмы со стуком захлопнулась, скрывая за собой свет и шум, вновь погружая округу во мрак.

Близкая человеческая речь вызвала у совы смятение. Изобилие зданий смущало птицу. Неясить крутила головой, выискивая нужный путь. Привычное к темноте зрение ночного жителя различало на земле отъевшихся на человеческих объедках мышей. Желудок призывно урчал,

ЛЕВ СОЛОВЬЁВ

хотелось броситься вниз и насладиться едой, но крылья против воли делали пару очередных взмахов, и массивное тело совы продолжало планировать над людскими строениями...

Мощенные камнем улочки, напоминавшие с высоты паутину, сходились к центру города, где пряталась под защитой стен внутренняя крепость — детинец.

Осознание того, что улицы помогут разобраться среди лабиринта, создаваемого домами, прекратило возникшую у совы панику. Полет становился ровнее и уверенней.

Неясыть искала терем княгини Ольги. Самое крупное в городе каменное сооружение. Назойливое ощущение его близости не давало желанного покоя. Лихорадка ожидания, казавшегося бесконечным, проникла нестерпимым зудом в мышцы. Надежда на скорое освобождение придавала взмахам крыльев силу, помогая преодолевать сопротивление ставшего густым воздуха.

В когтях хищник держал цветущую веточку сирени. Сова, как будто осознавая свой нелепый вид, лихорадочно трясла лапами, но когти, подчиненные чужой воле, свела непривычная судорога, которая не позволяла избавиться от глупого растения.

Большие здания стали попадаться все чаще. Приближался детинец.

Внезапно появилось ощущение, что пристальный взгляд зацепился за серое тело птицы и сопровождает его на протяжении дальнейшего пути. Как будто невидимая нить затянулась на толстой шее совы и крепко держит.

Неясыть кинулась вниз, потом взмыла вверх, попробовала метаться из стороны в сторону, но невидимая нить не отпускала. Смирившись с магическими оковами, птица ускорила свой полет.

Белые стены нужного здания возникли из темноты лунным призраком.

Радостное чувство близкого завершения пути, восторг приближающейся свободы охватили неясыть. Гордая пти-

ца ловко маневрировала между ажурными башенками терема княгини, разыскивая место, где должен был окончиться полет.

Окно, подсвеченное слабым огоньком, появилось внезапно на неудобной высоте, и сова неуклюже плюхнулась на подоконник.

Перед ней стояла молодая женщина.

Длинные русые волосы, сплетенные на скорую руку в небрежную косичку, обрамляли миловидное, ничем не примечательное лицо. Вздернутый нос и озорные, с прищуром, глаза придавали лицу мальчишеский вид. Сарафан, поверх белой льняной рубахи без пояса, говорил о поспешности при одевании.

Сова нерешительно топталась на месте, наклоняя голову поочередно то вправо, то влево.

Девушка коснулась рукой пернатого хищника.

Прикосновение вызвало дрожь, захватившую каждое перышко. Перья взъерошились, делая и без того огромную птицу еще больше. Лапы разжались, и веточка сирени вывалилась, упав на подоконник. Оцепенение медленно спадало с совы, неся вместе с долгожданной свободой ужас от близости человека.

Неясить, поняв, что владеет своим телом, широко расправила крылья и шумно захлопала ими, стремительно уносясь в ночной сумрак.

* * *

Тримир смахнул со стола разложенные в строгом порядке магические предметы, служащие для того, чтобы пускать пыль в глаза назойливым просителям колдовских услуг.

Его никто не видел, и можно было дать волю гневу, не прикрываясь маской бесчувственности. Магия, так нагло и беззастенчиво пришедшая в открытое окно с потоком свежего воздуха, подняла из глубины души неистовое бе-

ЛЕВ СОЛОВЬЁВ

шенство. Ведун не без труда справился с приступом ярости, комкая крючковатыми пальцами грубую ткань, застилавшую кровать, на которой он сидел.

Злило все: появление птицы, подчиненной чужой воле; расстояние, подвластное оборотнику для управления совой, говорящее о его необычайной силе...

Тримира переполнила досада с осознанием того, что, несмотря на свое умение распознавать чужое колдовство, он не может проследить место, где находился волхв. Его жалкий удел — беспомощно наблюдать за птицей-оборотнем.

Тримир привык гордиться своей исключительной способностью чувствовать магию и видеть ее следы, но сейчас ощущал только досаду.

Бесило то, что чужое колдовство вторглось в его сон, нарушив царившую в нем гармонию, и внезапно исчезло, не позволив Тримиру понять, кто его обидчик.

Тримир закрыл глаза, пытаясь вновь погрузиться в повторяющуюся из ночи в ночь картину, разрушенную неожиданным гостем.

Завораживающее виденье приходило к нему с завидной регулярностью, принося блаженство и мучение. В сотый раз, наблюдая величественное действо, вызывавшее чувства намного более яркие, чем серая реальность, Тримир ощущал близость познания великой тайны, но разгадка каждый раз проходила мимо него.

Ведун закрыл глаза, мысленно прокручивая до мельчайших подробностей знакомое виденье.

Ангельски-нежный свет заполнял собой пространство. Сквозь слепящую белизну проступало — все больше краснея — пятно правильной округлой формы.

Зрелище выглядело жутковато и напоминало растекающуюся на простыне лужу крови. Вокруг пятна возникали и исчезали радуги. Пятно росло, увеличиваясь в размерах. Его цвет становился все насыщеннее, впитывая в себя белизну и освобождая пространство темноте, подступающей со всех сторон.

Пурпурный фон радужного пятна демонстрировал всевозможные оттенки красного, извивался, образуя спиральные завихрения, превращаясь в голову с длинными седыми космами и бесконечной бородой. Лица не было видно.

Вслед за головой из смещения белого, красного и черного возникло мощное туловище. Богатырская фигура вызывала уважение.

Трансформации человека без лица продолжались.

Гигант становился зыбким, неустойчивым — расплывался в серо-красно-белое облако. В его глубине сверкали молнии. Они казались родными. Облако все больше напоминало раскидистый древний дуб.

Четыре человека приблизились к дубу с разных сторон.

Лица людей были скрыты глубокими капюшонами, но по крепким фигурам угадывалось, что двое из них — мужчины. В двух других по узким плечам и невысокому росту можно было предположить женщин или детей-подростков.

Они закружились вокруг векового дерева, все больше ускоряясь, сливаясь в сплошное пестрое кольцо. В глазах рябило от бесконечного мелькания силуэтов. Казалось, что это нереальное вращение затянет в себя и растворит без остатка.

Сумасшедшая пляска оборвалась так же резко, как и возникла.

Вместо четырех человеческих фигур осталась одна. Она таяла так быстро, что не было возможности разглядеть, кто это — мужчина или женщина.

Сквозь растворяющуюся фигуру проступил золотой крест, излучающий ослепительный свет, в котором меркли любые другие оттенки.

Дуб-богатырь вспыхнул ярко-желтым пламенем и впитался в крест, делая его еще ярче.

Плавно, словно выплывая из тумана, сквозь белизну, заполнившую пространство, проступило тело младенца.

Он поворачивал голову в сторону Тримира. На детских губах угадывалась легкая насмешка.

ЛЕВ СОЛОВЬЁВ

«Кто ты, дитя?» — вопрос звучал в голове колдуна против его воли.

Черты младенца становились все четче и четче, и в тот самый момент, когда Тримиру казалось, что он узнал это дитя, его образ исчез вместе со светом, оставляя только черноту.

Ведун плеснул себе в лицо воды из ведра, стоящего подле кровати.

Прохладная жидкость привела его в чувство.

Из темной глубины сосуда на него смотрело худощавое усталое лицо с провалившимися маленькими глазами.

Тримир усмехнулся своему отражению, демонстрируя мелкие хищные зубы.

Ему нравилось выглядеть мерзко и зловеще. Это отпугивало назойливых людей, которые раздражали ведуна, отвлекая его от постижения таинств волшебства.

Тримир неловко поднялся с кровати, злобно рыкнув.

Левая нога затекла и онемела от неудобной позы, подчеркивая его бессилие перед внешними обстоятельствами.

Он с детства пытался победить в себе это ощущение слабости единственным доступным способом — совершенствованием своих магических талантов.

В глубине души ему было предельно ясно, что злость, которая глодала его, адресована не оборотнику, бесцеремонно вырвавшему его из сна, — она следствие бессилия перед тайной величественного виденья.

Случившееся можно было бы оставить без внимания, утихомирив непрошеную ярость, но ведун понимал, что произошедшее во дворце княгини не предвещает ничего хорошего.

Хотя Ольга не доверяла волхвам и давно была крещеной — от ее благополучия зависел покой Тримира. А он для ведуна был второй по значимости вещью в жизни, да и то только потому, что обеспечивал возможность заниматься первой — познанием абсолютной магии.

Княгиня поклонялась непонятному для Тримира богу,

который призывал все ото всех терпеть и любить врагов. Несмотря на могучий призыв «возлюбить врагов своих», для охраны Ольги существовала многочисленная дружина.

Прихрамывая на занемевшую ногу, ведун побрел в покои воеводы Свенельда, шаркая стоптанными туфлями по отполированному полу.

Воевода отвечал за порядок во дворце и княжестве.

Ведун уже давно проживал у Свенельда, пожалуй, самого могущественного человека в государстве, и оказывал ему различные магические услуги в обмен на кров и достойное содержание. Это нисколько не напрягало Тримира, так как он имел возможность заниматься постижением секретов колдовства, увеличивая свои знания и силу.

Тримиру часто снились сны. Они несли ему информацию о будущем. Все они были ясны и понятны. Потому он и был одним из самых известных ведунов.

Он с легкостью предсказывал будущее других людей, которое открывалось ему во сне. Именно этот дар особенно ценил воевода Свенельд.

Но странный сон, приходящий к Тримиру каждую ночь, касавшийся, видимо, его самого, оставался тайной за семью печатями.

Ясно чувствовалось приближение катастрофы, насквозь пропитавшее виденье. Оно затмевало собой все, оставляя лишь небольшие лазейки еле заметным ощущениям конкретных событий, которые должны произойти в недалеком будущем.

Нужно было найти способ разгадать это предсказание. Иначе вновь и вновь возвращавшийся сон мог свести его с ума. Собственные попытки понять снящиеся картины каждый раз обрекались на провал.

Развить свои способности за короткий срок не представлялось возможным. Но существовал способ рискованный и сомнительный, к которому Тримиру не хотелось прибегать. Можно было обратиться к богам посредством жрецов. Они могли — в обмен на жертву — усилить существующие

ЛЕВ СОЛОВЬЁВ

таланты на короткое время до безграничных пределов. Подобные процедуры отнимали слишком много жизненных сил и укорачивали время присутствия в этом мире.

Несмотря на страх, в глубине души ведуну было ясно, что уже совсем скоро ему придется пойти на поклон к одному из древних божеств.

Сон возвращался все чаще и настойчиво требовал своей разгадки...

* * *

Сознание толчком вернулось к оборотнику.

Хоровод звезд закрутился перед глазами. В ушах стоял монотонный гул.

Везнич сел под деревом, потряс головой, пытаясь привести себя в чувство. Хлопки прядей волос по щекам звучали все отчетливее, сигнализируя о возвращающемся сознании. Прохладный ночной воздух окончательно разорвал связь с совой. Ветки, плавно раскачивающиеся на уровне глаз, приобрели четкие очертания.

По-деловому перебирая лапками, пробежал паучок, ловко ориентируясь в лабиринте листвы. Волхв взглядом проследил его передвижение. Паучок казался невзрачным и безопасным до тех пор, пока не добрался до мухи, запутавшейся в липких нитях. Жужжание насекомого — до появления паука напоминавшее слабое ойканье — переросло в истошный визг и резко оборвалось после того, как паучий яд проник в тело.

Деловитый малыш начал проворно заматывать гигантскую — по сравнению с ним — муху, ловко переворачивая ее из стороны в сторону.

Везнич невольно втянул голову в плечи, отчетливо вспомнив тщетные попытки избавиться от невидимого магического ока, наблюдавшего за ним во время полета.

Ощущение беспомощности, смешанное со страхом неизвестного, напомнило ему первые детские чувства, вы-

званные присутствием в другом существе — ужас животного и неспособность сопротивляться чужой воле...

Чужие чувства так сильно схожие с тем, что он испытывал прямо сейчас.

Он редко использовал врожденный дар подчинять своей воле живую природу, доставшийся в наследство от отца. Из-за отсутствия тренировок тело не слушалось. Но оборотник заставил себя подняться и неловким движением ткнул ладонью в морщинистую кору дерева, пытаясь удержаться на ногах.

Сова легко покорилась ему, позволив видеть своими глазами, слышать своими ушами, осязая своей кожей.

Оборотник испытал чувство, схожее с наслаждением, от редкой возможности повелевать сдавшимся существом.

Везнич легко справлялся с сознанием крупных птиц, коз, собак, но мечта покорить волка или медведя оставалась недостижимой. У каждого оборотника был свой предел силы.

Высшим мастерством в его искусстве считалось покорение хозяина леса — бурого гиганта, которого нельзя называть по имени. Но и это был не предел силы оборотников. Ходили легенды, что во времена господства древней веры Рода существовали такие волхвы, которые не только сливались сознанием с животным — оставаясь в это время недвижимыми и уязвимыми для врагов, — но и полностью, всем телом могли перевоплотиться в нужное им существо.

Везнич вновь прокрутил в мыслях произошедшее с совой, пытаясь вспомнить подробности того момента, когда за ним началось наблюдение.

С высоты птичьего полета открывался прекрасный вид. Оборотник наслаждался им, поражаясь, как разросся Киев за время правления Ольги. Он давно не был в городе и не представлял масштаба изменений.

Безмятежность полета нарушалась лишь тревогой, что не удастся найти Марфу. Выручили улицы, ведущие

ЛЕВ СОЛОВЬЁВ

к княжескому терему. Они были вымощены камнями, в отличие от остальных, и служили прекрасным ориентиром.

Липкое чувство чужого присутствия погасило всплеск радости, возникший при виде внутренней крепости — детинца, где находились покои княгини.

Везнич закрыл глаза, пытаясь вспомнить детали ускользающей из памяти картины. Необходимо было понять, откуда исходила угроза.

Тот, кто выследил полет совы, безусловно, очень опасен. Его намерения непонятны. Самым страшным было то, что неизвестный колдун видел приземление птицы на окно Марфы и, возможно, запомнил девушку.

Радость, светившаяся на лице Марфы, говорила о том, что она поняла, кто скрывается в образе ночной птицы. Подсказала сирень, цветением которой был заполнен мир в те дни, когда безумство любви связало их вместе.

Сейчас же стоял разгар лета, и, естественно, никакой сирени уже не было. Дар оборотника вступать в контакт с природой распространялся и на растения. Веточка сирени подалась навстречу колдуну, подчиняясь незатейливым словам заклинания, отвечая на призыв яркими, по-весеннему свежими цветами.

Везнич видел, что Марфа все поняла. На ее щеках загорелся румянец волнения в предчувствии скорой встречи в условленном месте.

Покинуть терем, проехать весь город, потом лес. В обычной ситуации ничего сложного, но сейчас... Думать о плохом не хотелось.

Где-то в кустах тревожно захлопала крыльями разбуженная птица.

Везнич прислонился к дереву, сливаясь с темным стволом и становясь неразличимым для посторонних глаз. Все чувства волхва обострились, но он не смог заметить ничего странного.

Лес шептал и постанывал обыденно и знакомо.

* * *

Тримир, погруженный в тревожные размышления, вздрогнул от неожиданно возникшей громадной фигуры стражника, демонстративно нахмурился, сердясь на себя за выказанную слабость.

У него была репутация невозмутимого человека, которого ничто в этом мире не в состоянии вывести из состояния равновесия.

— Доложи обо мне воеводе.

— Но... — охранник замялся, находясь перед нелегким выбором.

Тримир спрятал невольно возникшую улыбку. Ему было приятно видеть мучения дружинника, старавшегося понять, что будет меньшим злом: рассердить воеводу или волхва.

— Живее! — Голос мага прозвучал негромко, но решительно, не оставляя охраннику никаких сомнений.

Сладкое удовлетворение растеклось в душе колдуна при виде выбора, который сделал дружинник. Стражник распахнул перед ним дверь, склоняя голову в учтивом поклоне и пропуская ведуна в покои воеводы.

Свенельд лежал в огромной кровати, украшенной затейливой резьбой, изображавшей в основном животных и причудливые растения. Кровать застилала звериные шкуры, поверх которых была накинута грубая льняная простыня.

В глубине мехов и ткани зашевелилось — демонстрируя сквозь прорехи в убранстве постели свои прелести — обнаженное женское тело.

Тримир поморщился. Он не чурался женщин, но не одобрял излишеств воеводы, которым тот предавался. Ведун сделал вид, что не заметил среди шкур шевелившейся в томной неге женщины. Его голос звучал подчеркнуто фамильярно:

— Свенельд, я только что видел, как во дворец княгини Ольги проникла птица, подконтрольная волхву-оборотни-